

Научная статья

УДК 82-6

DOI: 10.20323/2499-9679-2026-2-45-18

EDN: TOPKTN

Письма К. С. Аксакова к М. Г. Карташевской как дневник поэта-романтика

Марина Дмитриевна Кузьмина

Кандидат филологических наук, доцент кафедры книгоиздания и книжной торговли Высшей школы печати и медиатехнологий, Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна. 191186, г. Санкт-Петербург, ул. Большая Морская, д. 18;

Доцент кафедры русской литературы, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена. 191186, г. Санкт-Петербург, набережная реки Мойки, д. 48

mdkuzmina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1293-800X>

Аннотация. Переписка К. С. Аксакова с его кузиной М. Г. Карташевской продолжалась в 1836–1837 гг., после чего была прекращена родителями девушки, встревоженными сближением молодых людей. Действительно, в ходе эпистолярного общения девушка переходила из роли в роль, сочетая в себе амплу сестры, друга, «прекрасной дамы». В глазах Аксакова она являла собой вожделенную для него, романтика, полноту совершенств, идеал. Юноша стремится ввести ее в свой мир поэта-романтика. Все его письма с Карташевской раскрывают его стремление высказаться ей вполне. Они представляют собой, по большей части, дневник поэта-романтика. Они пишутся часто, обычно ежедневно, датируются, то есть и по форме напоминают дневник. Их автор не очень рассчитывает на ответы – Карташевская пишет редко и кратко. Тем свободнее, самостоятельнее выражаемая под пером Аксакова авторефлексия. Юноша не всегда остается в сфере чистой психологии. Он делает подчас трудные исповедальные признания – относящиеся к области то покаяния, то едва ли не психиатрии. Вместе с тем эмпирическое планомерно претворяется под его пером в эстетическое. Происходит характерная для романтического дискурса эстетизация и поэтизация действительности. Тема поэтического – одна из центральных в дневнике Аксакова. Юноша раскрывает своей читательнице принципиально два важных для него смысла слова «поэт»: стихотворец и идеалист-романтик, устремленный к высокому и прекрасному и чувствующий, способный постигнуть высокое и прекрасное. Себя он относит к поэтам в обоих значениях, Карташевскую – ко второй группе «поэтов», почему и поверяет ей, как духовно близкой, посвященной, самое сокровенное – свой дневник. От письма к письму Аксаков вводит свою читательницу в поэтический мир – приводя и комментируя стихотворные строки, рекомендуя почитать своих любимых авторов, кумиров романтически настроенной русской молодежи 1830-х гг., Гофмана, Шиллера и др.; делясь своим опытом прикосновения к «чудесному» через магнетизирование, сны, грезы, воспоминания и т. п. Он и ее погружает в мир воспоминаний, раскрывая семантику и символику своего любимого времени – прошедшего. Вообще Аксаков выстраивает эпистолярно-дневниковый сюжет во многом как элегический, с такими его ключевыми мотивами, как воспоминание и грусть; грусть не только как психологическое состояние, вызванное обыденными причинами и обстоятельствами, но и как тоска души по недостижимому идеалу.

Ключевые слова: К. С. Аксаков; М. Г. Карташевская; переписка 1830-х гг.; письмо; дневник поэта-романтика; романтизм; поэтическое; поэт; эстетизация бытия; романтическое жизнетворчество

Для цитирования: Кузьмина М. Д. Письма К. С. Аксакова к М. Г. Карташевской как дневник поэта-романтика // Верхневолжский филологический вестник. 2026. № 2 (45). С. 18–25. <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2026-2-45-18>. <https://elibrary.ru/TOPKTN>

Original article

Letters from K. S. Aksakov to M. G. Kartashevskaya as a romantic poet's diary

Marina D. Kuzmina

Candidate of philological sciences, associate professor, department of book publishing and book trade, higher school of printing and media technologies, St. Petersburg state university of industrial technologies and design. 191186, St. Petersburg, Bolshaya Morskaya st., 18;

Associate professor, department of russian literature, Herzen state pedagogical university. 191186, St. Petersburg, Moika river embankment, 48

mdkuzmina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1293-800X>

Abstract. The correspondence between K. S. Aksakov and his cousin M. G. Kartashevskaya continued throughout 1836–1837, after which it was terminated by the girl's parents, alarmed by the young people's closeness. Indeed, during their epistolary exchanges, the girl moved from one role to another, playing the parts of a sister, a friend, and a «beautiful lady». To Aksakov, a romantic himself, she was the embodiment of perfection, the ideal he longed for. The young man strives to introduce her to his world, the world of a romantic poet. All his letters to Kartashevskaya show his desire to reveal his feelings to her. For the most part, they constitute the diary of a romantic poet. He wrote them very often, usually every day, and dated them; in other words, they resembled a diary in form. The author didn't really expect her to reply – Kartashevskaya wrote briefly and infrequently. This makes Aksakov's self-reflection all the freer and more independent. The young man does not always remain within the realm of pure psychology. He sometimes makes difficult confessions – from repentance to something bordering on psychiatry. At the same time, the empirical is systematically transformed into the aesthetic in his writing. There is an aestheticization and poeticization of reality characteristic of Romantic discourse. The theme of poetry is one of the central themes in Aksakov's diary. The young man reveals to his reader two fundamentally important meanings of the word «poet»: a poet and a romantic idealist, striving for the sublime and beautiful, and a sensitive one, capable of comprehending the sublime and beautiful. He considers himself a poet in both senses, and Kartashevskaya belongs to the second group of «poets», which is why he confides to her, as a spiritually close and dedicated person, his most intimate possession – his diary. From letter to letter, Aksakov introduces the reader to his poetic world – citing and commenting on poems, recommending his favorite authors, idols of the romantically inclined Russian youth of the 1830s, such as Hoffmann, Schiller, and others; sharing his experience of touching the «miraculous» through magnetism, dreams, reveries, memories, and so on. He draws her into a world of memories, revealing the semantics and symbolism of his favorite time – the past. In general, Aksakov constructs the epistolary-diary plot largely as an elegiac one, with such key motifs as memory and sadness; sadness not only as a psychological state caused by mundane reasons and circumstances, but also as the soul's longing for an unattainable ideal.

Key words: K. S. Aksakov; M. G. Kartashevskaya; correspondence from the 1830s; letter; diary of a romantic poet; romanticism; poetic; poet; aestheticization of existence; romantic life-creation

For citation: Kuzmina M. D. Letters from K. S. Aksakov to M. G. Kartashevskaya as a romantic poet's diary. *Verhnevolski philological bulletin*. 2026;(2):18–25. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2026-2-45-18>. <https://elibrary.ru/TOPKTN>

Введение

В 1830-е гг. два молодых литератора-романтика А. И. Герцен и К. С. Аксаков состояли в переписке с кузинами. Первый – с Н. А. Захарьиной, второй – с М. Г. Карташевской. Обе девушки сочетали в себе амплуа сестры, друга, «прекрасной дамы», – являя вожаемую для романтиков полноту совершенств. Первая переписка закончилась тайным венчанием, по логике романтического сюжета. Участники второй, по его же логике, были разлучены – визуализировалась недостижимость идеала в земной жизни. Обе переписки явили романтическое житиетворчество, эстетизацию действительности – в двух разных и одинаково ярких вариантах.

История изучения вопроса

Первая переписка издана и достаточно хорошо изучена [см., напр.: Анненкова, 1998; Савкина, 2007; Созина, 2001]. Из второй опубликованы лишь пять открывающих ее писем Аксакова [Аксаков, 1976]. Остальные доступны в Рукописном отделе ИРЛИ (Пушкинского Дома) РАН [Аксаков, 1836–1837] и почти не становились предметом исследования. Они привлекли внимание только Е. И. Анненковой, обратившей внимание

на их соотносимость с герценовскими и отличие от герценовских – в отношении содержания, исканий двух современников, один из которых будущий западник, другой будущий славянофил. Она поставила перед собой задачу прежде всего выявить по письмам мироощущение Аксакова как будущего славянофила; двусторонняя переписка в полном объеме ее не интересовала [Анненкова, 1998; Анненкова, 2018; Анненкова, 2017; Анненкова, 2016; Анненкова, 2019]. Между двусторонней перепиской, и не только ее содержание, но и поэтика представляет значительный интерес.

Жанровые характеристики писем

В отличие от Герцена, эпистолярный диалог которого с Захарьиной претворился под пером их обоих, в принципиальном «соавторстве», в романтический роман в письмах (таким образом, ими осуществлялась романтическая мечта о совместном творении мужчиной и женщиной сюжета своего произведения и жизни), – письма Аксакова к Карташевской представляют собой скорее дневник поэта-романтика, поверенный ей как читательнице.

Черты дневника в письмах Аксакова

Аксаков пишет Карташевской практически ежедневно, в дневниковой традиции. Он может создавать письмо в течение недели. Отправив, сразу приступает к следующему и работает над ним таким же образом. Иногда обнаруживающаяся под пером других эпистолографов, у него эта тенденция регулярна. Текст письма организуют заголовки-дни: «Вторник, 10 марта» [Аксаков, 1976, с. 84] и т. п. В дневниковой же традиции Аксаков пишет доверительно (характерны его многочисленные признания: «...вам спешу я сообщать всякое свое горе и радость» [Аксаков, 1836–1837, л. 75 об.]) и свободно, как для самого себя. Он осознает, что выходит за границы эпистолярного жанра; в одном из первых же писем предупреждает кузину: «...я буду писать, как мне вздумается, когда почувствую желание, потребность поговорить с вами, итак, вы будете получать от меня не письма, а род записок; <...> я пишу не для того, чтобы сообщать вам новости» [Аксаков, 1976, с. 77]. Аксакова не смущают автоповторы, нежелательные в текстах, адресованных другому, но правомерные в дневнике. Напротив, он отстаивает их как особенность своего эпистолярного: «...я пишу все об одном и том же...» [Аксаков, 1976, с. 79], «...при всяком письме вы читаете все мои письма...» [Аксаков, 1836–1837, л. 72 об.].

Обозначив свою роль в эпистолярном общении: «...я силился вам высказывать себя...», — Аксаков роль корреспондентки видит следующим образом: «...вы слушали, вы не скучали, вы принимали участие в словах моих...» [Аксаков, 1836–1837, л. 75 об.]. В одном из первых писем он сказал ей: «...вы, милая Машенька, <...> мне иногда кажется созданием моей фантазии, каким-то существом идеальным, какою-то мечтою, которая существует не на земле, а только в моем воображении. Я пишу к вам письма — так что же! Со мной бывало прежде, что создам в воображении своем какое-нибудь лицо да и пишу к нему письма; разумеется, они остаются без ответа; и вы, Машенька, пишете ко мне так редко, что почти довершаете очарование» [Аксаков, 1976, с. 85]. Такое восприятие переписки еще более сближает ее с дневником, который обычно ведется с мыслью, что его кто-нибудь когда-нибудь прочитает. По наблюдению исследователей, «дневник не только принято показывать другим, но он может и навсегда быть отдан кому-нибудь в дар» [Егоров, 2003, с. 69; см. также: Вьолле, Гречаная, 2006; Савкина, 2007, с. 80–150], вести же его для себя

бессмысленно, ведь автор «известен сам себе» и в «текстах для самого себя» будет «наименее проявлен» [Егоров, 2003, с. 68].

Карташевская отвечает Аксакову настолько редко и кратко, что его слово звучит монологично. В отличие от Герцена, он ни в какой степени не перенимает стиль своей корреспондентки (в начале эпистолярного общения она даже плохо владеет русским языком, потому что привыкла к французскому, и учится у кузена писать по-русски), не развивает ее образы и мотивы.

На «почти дневниковый характер» писем Аксакова к Карташевской указывала Е. И. Анненкова, увидевшая в них «поток сознания, в котором непосредственность самовыражения и рефлексия соприсутствуют на равных как два органических начала молодой души» [Анненкова, 2018, с. 52]. Правда, по ее мысли, «письма его выстраивались <...> как невольная, незадуманная фиксация всех состояний», а не как «эстетический документ» [Анненкова, 1998, с. 96]. Теоретически, именно поэтому и есть основания рассматривать письма Аксакова как дневник. По характеристике современного исследователя, «природа дневникового и художественного образа едина», «главное различие <...> — в степени эстетической отделки»: «в дневнике эстетическая функция образа ослаблена за счет выдвижения на первый план функции психологической» [Егоров, 2003, с. 94], «дневники не сочиняются, а ведутся (здесь и далее курсив авторов цитируемых сочинений. — М. К.)», «в них мы имеем дело не с посредниками, не с „заменителями“ личности автора, а с самой личностью в ее глубинах и основах» [Егоров, 2002, с. 3]. Вместе с тем, дневник писателя не может не составлять исключение, тем более принадлежащий романтику, с его неудовлетворенностью сугубо эмпирической жизнью, стремлением к идеалу, в частности, через эстетизацию действительности.

Преобразование эмпирического в эстетическое в аксаковском дневнике поэта

Любопытно проследить, как под пером Аксакова происходит преобразование эмпирического в эстетическое.

В его эпистолярном откровении налицо дневниковая «трудная» исповедальность, уводящая в область то покаяния («...я был неправ» [Аксаков, 1836–1837, л. 80], то едва ли не психиатрии («...это сомнение в своем существовании <...>. Я как-то не живу. <...> о, какая мучительная тоска» [Аксаков, 1836–1837, л. 43 об.]). Аксаков, в дневниковой традиции, хочет вполне высказаться, че-

рез это понять себя и снять бремя с души («...я как будто облегчил себя, написавши вам эти строки» [Аксаков, 1836–1837, л. 71 об.]). Отчасти совпадая, он в основном расходится с Герценом, также делавшим Захарьиной непростые признания – например, о своей связи с П. Медведевой. Герцен вводил в письма подобные признания значительно реже, тщательно их продумывая (так что в его письмах мало дневниковой непосредственности), и старался не уронить себя (скажем, оправдывал свое «падение» влиянием вятского пространства). Наконец, он себе создал из этого эмпирического материала амплуа демонического героя, нуждающегося в спасении «ангелом» «Наташей» (эту сюжетную линию рассматривала Л. Я. Гинзбург [Гинзбург, 1997 а, с. 16]), – выстраивая систему персонажей эпистолярного романа. Аксаков же остается в рамках эпистолярно-дневниковой рефлексии. При этом его текст имеет не меньшую эстетическую ценность, чем герценовский.

Аксаков о поэзии и поэтическом

Литература в 1830-е гг. значит для Аксакова даже больше, чем для Герцена. Он активно пишет, в основном стихи, немного прозу (в 1836 г. им созданы две фантастические повести, «Вальтер Эйзенберг» и «Облако», первая опубликована под характерным названием «Жизнь в мечте» [см. о ней подр.: Кузьмина, 2017]). Аксаков глубоко впитал романтические представления об искусстве, в частности, о поэзии (он мог бы сказать вместе с Новалисом: «...поэзия есть все и вся» [Новалис, 2014, с. 94]), в соответствии с которыми она устойчиво связана с идеальным. Это заложено в ее родовой природе. «По самой своей сути, – отмечала Л. Я. Гинзбург, – лирика – разговор о значительном, высоком, прекрасном <...>; своего рода экспозиция идеалов и жизненных ценностей человека» [Гинзбург, 1997 б, с. 11]. Выражаемое ею идеальное для Аксакова – важнейшее содержание жизни, поэтому поэзия – не род деятельности, а сама жизнь. В одном из писем Аксаков сообщает Карташевской, что у него спросили: «Вы занимаетесь поэзией?» [Аксаков, 1836–1837, л. 49]. Он с негодованием комментирует: «...как неприятно раздалось в ушах моих это слово: *занимаетесь*. <...> можно ли заниматься поэзией; разве она наука или искусство? Это все равно как бы спросить, *вы занимаетесь чувством, вы занимаетесь дружбою*...» [Аксаков, 1836–1837, л. 49]. Понимая поэзию не в узком (только как стихотворство), а в широком, общеромантическом

смысле (как жизнь идеальным), он из письма в письмо развивает как одну из центральных тем своего эпистолярного дневника – тему поэтического. Текст насыщен рефлексией о «поэтическом чувстве» [Аксаков, 1836–1837, л. 15], наполняющем истинную жизнь, о поэте, живущем такой жизнью («...никто не узнает, глядя на мой череп, что это был за человек; был ли он поэт, билось ли горячо его сердце, умела ли душа любить все прекрасное...» [Аксаков, 1836–1837, л. 18]), о том, что «...писать стихи еще не значит быть поэтом...» [Аксаков, 1836–1837, л. 40], так что «Бенедиктов <...> не поэт» [Аксаков, 1836–1837, л. 40], тогда как «Гоголь истинный поэт» [Аксаков, 1836–1837, л. 39], в высшей же степени поэт – Шиллер («...я совершенно сочувствую великому, единственному поэту» [Аксаков, 1836–1837, л. 39]). Он развивает мысль о том, что есть два рода поэтов: один – поэт в собственном смысле слова, сочинитель, другой – поэт-читатель, сопереживающий автору, понимающий его искания, обладающий, как и он, поэтическим чувством. Себя он относит к первому роду, свою корреспондентку – ко второму («Машенька, вы – поэт!» [Аксаков, 1976, с. 83], «в вас, милая Машенька, чувство поэтическое глубоко и искренно...», «...да на века горит в вас святой огонь поэзии...» [Аксаков, 1836–1837, л. 59]), поэтому и доверяет ей свой внутренний мир – как способной постичь.

Поэтическое в отношении гендерных ролей

Аксаков утверждает Карташевскую в статусе читателя также с учетом своего понимания гендерных ролей, имеющего под собой отчасти философско-религиозную, преимущественно же романтическую традицию. Поэт-автор, настаивает он, – это непременно мужчина, в то время как женщина – с одной стороны, читательница и вдохновительница на творчество, с другой – сама олицетворенная поэзия. «Вы знаете, как высоко ставлю я женщин, – замечал Аксаков, – <...> они – поэзия и не должны писать стихи потому, что должны быть предметом стихов» [Аксаков, 1836–1837, л. 39], «...женщине неестественно быть поэтом, творящим...» [Аксаков, 1836–1837, л. 40]. Это распределение ролей, опирающееся на традицию немецкого романтизма (ср., напр., суждения Ф. Шлегеля: «...каждый человек имеет собственную натуру и свою собственную поэзию <...>. А что такое они по сравнению с неоформленной и бессознательной поэзией, которая <...> пылает в любящем сердце женщины? Это и есть первозданная и изначальная поэзия, без которой,

конечно, не существовало бы поэзии конечной» [Шлегель, 1980, с. 62], «Среди женщин нет непосвященных...» [Шлегель, 1994, с. 34]), визуализирует тонкую диалектику эстетического и эмпирического (при их принципиальной нераздельности) под пером Аксакова. Вдохновленный своей корреспонденткой как олицетворенной поэзией и вводя ее в мир романтизма как опытный поэт начинающего и как поэт-автор поэта-читателя, – юноша все более сближается с ней и нуждается в том, чтобы она видела и понимала все, чем он живет, и чтобы то, чем он живет, поэтический мир, – был их общим миром. Он все отчетливее визуализируется под покровом, на первый взгляд, эмпирического по мере развертывания переписки.

Исповедь поэта

Так, помимо вышеозначенной сюжетной линии, актуализирующей «трудную» исповедальность, в аксаковской эпистолярной развивается вторая, основная, – подчиняющая себе в некоторых аспектах первую и определяющая литературность текста. Это откровения автора о поэтических состояниях души, о приобщении через них к возжеланному для романтика «таинственному», «чудесному» миру (оба определения под его пером частотны и эквивалентны друг другу). По мере развертывания сюжета переписки проясняется, что те признания Аксакова кузине, которые, казалось бы, относятся к сугубо эпистолярно-дневниковой (и потому эмпирической) «трудной» исповедальности, – относятся не только к ней, но и к исповедальности поэтической, назовем ее так; через первую – путь ко второй. Карташевская этого не понимала и беспокоилась о психическом здоровье кузена. Он уверял, что не только не страдает от описываемых состояний ипохондрии, тоски и т. п., но и дорожит ими, поскольку в них соприкасается с «таинственным». Так, сбившись ночью с пути и оставшийся один в поле, он испуган – и чувствует «свое постепенное уничтожение» [Аксаков, 1836–1837, л. 33]. Это то состояние, которое он часто переживает и, пребывая в нем, сомневается в собственном существовании. Столь беспокоящее Карташевскую, оно поясняется Аксаковым как связанное с его стремлением постичь тайны бытия, понять, где «мечта», а где «действительность» (раскрывая в одном из писем свой замысел, связанный с повестью «Вальтер Эйзенберг», он писал: «...та мысль, которую я хотел высказать, мысль, которая должна навести на вопрос: что такое мечта? какое право имеем мы называть одно мечтою, а другое действительно-

стью...» [Аксаков, 1836–1837, л. 140], где границы, отделяющие «я» от «не-я».

Аксаков устремился в «таинственный» мир очень решительно, увлекшись вопросами сомнамбулизма и магнетизирования, модными в конце XVIII – первой трети XIX в. Он принял участие в магнетическом сеансе, мечтает стать магнетизером. Проявивший к магнетизированию минимальный интерес Герцен остался совершенно в стороне от этих опытов. Аксаков же они видит в них научное подтверждение существования «таинственного» и путь к нему.

Аксаковский «чудесный» мир

Столь пленившее Аксакова «чудесное» осталось чуждо Герцену и Захарьиной, развивавшим религиозно-мистический, но не собственно мистический, не фантастический сюжет, – и больше основывавшим его на выстраивании собственных образов и отношений, взаимного чувства – любви. В то время как они именно выстраивали свой сюжет, создавая об этом эпистолярный роман, творили свой идеальный мир, в полной мере открытый для них двоих, – Аксаков не столько творит свой идеальный мир, сколько стремится войти и ввести Карташевскую в уже существующий в известном смысле независимо от него и от кого-либо другого «таинственный». В его представлении, это тот самый принципиально единый мир, в котором пребывают его любимые писатели: «великий Гофман» [Аксаков, 1836–1837, л. 125], Шиллер, Жуковский (характерно, что даже в выборе имен Аксаков нарочито не оригинален: упоминаемые им авторы наиболее популярны у русских читателей первой трети XIX в.), другие поэты-романтики, их герои, он сам, его герои; путь туда открывают литература, мечты, сны, сеансы магнетизирования и т. п. Но прежде всего необходимо, по его мысли, поэтическое чувство.

Не удивительно, что эпистолярный дневник Аксакова наполнен поэзией. Она в наибольшей степени отвечала его интенциям – самосозерцанию, уходу во внутреннюю жизнь. Его романтизм – скорее романтизм толка Жуковского (который по его признанию, и «напел» ему «на душу» грезы немецких романтиков [Аксаков, 2019]), чей лирический герой погружен в себя, и в своей душе – в мечтаниях и воспоминаниях – находит мир прекрасного (это был любимый романтиками путь от личности к бытию; ср. красивую формулировку современного исследователя: «Романтик идет к миру от бесконечности собственного Я» [Малахаева, 2012, с. 276]). Поэтическая рефлексия у Акса-

кова до неразделимости соединялась с дневниковой, органически схожей. Для лирического стихотворения, как и для дневника, характерно сюжетостроение с опорой именно на рефлексию. Оба жанра поэтому, как и синтезирующий их под пером Аксакова эпистолярный, предполагают интимность содержания, вместе с тем предполагают читателя. Лирическое, эстетическое, таким образом, простирается на сферы дневника и письма, с их неустранимой эмпирикой.

Чаше всего молодой эпистолограф приводит собственные строки и своего любимого поэта, Шиллера, поэзия которого, по формулировке А. И. Жеребина, «воспринималась в России как поэзия безусловных ценностей» [Жеребин, 2021, с. 135], но приводит и других авторов – от А. С. Пушкина и В. А. Жуковского до Н. С. Тепловой и Н. И. Сазонова. Это непременно произведения, вызывающие у него отклик, нравящиеся ему в отношении глубины и искренности выраженного в них поэтического чувства, но не обязательно в плане формы – здесь он готов извинить несовершенство и себе, и другим.

Нераздельность дневниковой и поэтической рефлексии

Речь должна идти не только о рецепции поэтической рефлексии в эпистолярном дневнике Аксакова, но и о ее продолжении, в нераздельности с дневниковой. Поскольку предшествующие и последующие строки письма, как правило, выражают те же состояния души, что и приведенные поэтические строки, в эпистолярном дневнике развивается целостный сюжет, основа которого – рефлексия о внутренней жизни. Характерна периферийность для него «внешних» тем (окружающий мир, обстоятельства, события, другие люди), которые если и освещаются, то по касательной, через призму рефлексии же – субъективно, лично.

Сюжет эпистолярного дневника Аксакова основывается на ключевых мотивах воспоминания о прошлом, его любимом времени, и грусти – об утраченном и о недостижимом. Это романтическая тоска по идеалу. И это элегия в прозе, чрезвычайно близкая к его художественным произведениям – прозаическому психологическому этюду «Осень» и стихотворениям, многие из которых элегии же («Воспоминание», «Посмотри, милый друг, как светло в небесах...», «Тяжело, тяжело на душе залегло...», «Помнишь ли ты, помнишь ли ты...», «Меня зовет какой-то тайный голос...» и др.).

Заключение

Попытки Аксакова увлечь свою корреспондентку в «таинственную» жизнь увенчались относительным успехом. Не настроенная, в отличие от кузена, мистически, хотя и обнаруживающая, по его наблюдению и к его радости, поэтическое чувство и все больший интерес к этой жизни, Карташевская сохраняет равновесие между реальным и «чудесным» миром, не совершая волевого для ее кузена перехода из первого во второй. Впрочем, не совершил этого перехода и он, дорожа не только «чудесным», но и реальным миром – с его семейным счастьем, домашним уютом, например. Юноша столь привязан к родителям, что смерть отца, С. Т. Аксакова, как известно, в будущем даже не переживет. Счастье же с Карташевской не сложилось. Переписка была прекращена по требованию родителей девушки, недовольных сближением молодых людей. Тем ценнее сохранившиеся письма.

Эпистолярный дневник Аксакова, письма к Карташевской, занимает одно из центральных мест в его литературной авторрепрезентации 1830-х гг., как и эпистолярный роман в соавторстве с Захарьиной в литературной авторрепрезентации Герцена. Любопытно, что оба юноши независимо друг от друга, не знакомые, разумеется, с письмами друг друга к кузинам, сказали про свои письма одно и то же: «тут я весь» [Аксаков, 1836–1837, л. 75 об.; Герцен, 1961, с. 278]. При всей схожести эти два «я» романтиков, богато одаренных личностей, предстают очень разными, наглядно подтверждая научное представление о том, что «романтизм соткан из многих „романтизмов“» [Турчин, 2012, с. 106]. В то время как Герцен экспансивен, ориентирован на публичное самовыражение (и потому пишет эпистолярный роман, а не дневник), очень открыт другому человеку, которого приглашает к соавторству (роман в «соавторстве» с Захарьиной), очень внешне активен и самодостаточен (несмотря на противодействие родных, он реализовал сюжет романтического романа в жизни вплоть до развязки – тайного венчания), – Аксаков не уверен в себе (почему и создает эпистолярный дневник, нацеленный на авторрефлексию), а самодостаточен совершенно по-иному – в своем внутреннем, «таинственном» мире, в исповедальном, глубоко личном дневнике поэта, который доверяет лишь очень близкому человеку; у него нет и не может быть соавтора, но есть вдохновительница и чуткая читательница. Это два варианта жителствования, без учета ко-

торых научное представление о русском романтизме 1830-х гг. не может быть полным.

Библиографический список

1. Аксаков К. С. Письма к М. Г. Карташевской. 1836–1837 гг. // ОР ИРЛИ. Архив А. Н. Маркевича. 10604. XVC. 1.
2. Аксаков К. С. Письма к М. Г. Карташевской (Публ. Е. И. Анненковой) // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1973 год. Ленинград : Наука, 1976. С. 74–89.
3. Аксаков К. С. Путь // Аксаков К. С. Собр. соч. и писем: В 10 т. Т. 1. / подг. текстов и комм. Е. И. Анненковой, М. Д. Кузьминой. Санкт-Петербург : Росток, 2019. С. 34.
4. Анненкова Е. И. Аксаковы. Санкт-Петербург : Наука, 1998. 366 с.
5. Анненкова Е. И. Константин Аксаков. Веселье духа. Санкт-Петербург : Росток, 2018. 328 с.
6. Анненкова Е. И. Мировосприятие К. С. Аксакова. Становление и самовыражение славянофила // Русская литература. 2017. № 1. С. 47–64.
7. Анненкова Е. И. Молодой Константин Аксаков: проблема самоопределения // Вестник Череповецкого государственного университета. 2016. № 2. С. 25–29.
8. Анненкова Е. И. «Я отринул притязания на художественность...». (Литературная деятельность К. С. Аксакова) // Аксаков К. С. Собр. соч. и писем: В 10 т. Т. 1. / подг. текстов и комм. Е. И. Анненковой, М. Д. Кузьминой. Санкт-Петербург : Росток, 2019. С. 518–548.
9. Вьолле К., Гречаная Е. П. Дневник в России в конце XVIII – первой половине XIX в. как автобиографическая практика // Автобиографическая практика в России и во Франции. Сб. ст. / под ред. К. Вьолле и Е. Гречаной. Москва : ИМЛИ РАН, 2006. С. 57–111.
10. Герцен А. И. Письма 1832–1838 годов // Герцен А. И. Собр. соч.: В 30 т. Т. 21. Москва : Изд-во АН СССР, 1961. 639 с.
11. Гинзбург Л. Я. Автобиографическое в творчестве Герцена // Литературное наследство. Герцен и Огарев в кругу родных и друзей. Кн. 1. Москва : Наука, 1997. С. 7–54.
12. Гинзбург Л. Я. О лирике. Москва : Интрада, 1997. 414 с.
13. Егоров О. Г. Дневники русских писателей XIX века. Москва : Флинта; Наука, 2002. 285 с.
14. Егоров О. Г. Русский литературный дневник XIX века. История и теория жанра. Москва : Флинта; Наука, 2003. 279 с.
15. Жеребин А. И. Германский гений русской литературы // Философические письма. Русско-европейский диалог. 2021. Т. 4. № 1. С. 131–158.
16. Кузьмина М. Д. Романтическое инобытие в повести К. С. Аксакова «Вальтер Эйзенберг» // Русская литература. 2017. № 1. С. 65–76.
17. Малахаева С. К. Трансформация субъективности в йенском романтизме: поэсис как основа жизне-

творчества // Вестник Бурятского гос. ун-та. Сер. Философия. 2012. Вып. 6. С. 274–277.

18. Махов А. Е. Реальность романтизма. Очерки духовного быта Европы на рубеже XVIII–XIX веков. Тула : Аквариус, 2017. 305 с.

19. Новалис. Фрагменты / пер. с нем. А. Л. Вольского. Санкт-Петербург : Владимир Даль, 2014. 319 с.

20. Савкина И. Л. Разговоры с зеркалом и Зазеркальем: Автодокументальные женские тексты в русской литературе первой половины XIX века. Москва : Новое литературное обозрение, 2007. (Новое литературное обозрение. Научное приложение. Вып. LXV). 416 с.

21. Созина Е. К. Сознание и письмо в русской литературе. Екатеринбург : Изд-во Уральского ун-та, 2001. 550 с.

22. Турчин В. С. Мир романтизма. Тоска по идеалам и время мечтаний. Прологомены // Искусствознание. 2012. № 1–2. С. 92–111.

23. Шлегель Ф. Из «Люцинды» // Трактаты о любви. Сб. текстов / сост. О. П. Зубец. Москва : ИФ РАН, 1994. С. 33–34.

24. Шлегель Ф. Разговор о поэзии // Литературные манифесты западноевропейских романтиков / собр. текстов, вступ. ст. и общ. ред. проф. А. С. Дмитриева. Москва : Изд-во Моск. ун-та, 1980. С. 62.

Reference list

1. Aksakov K. S. Pis'ma k M. G. Kartashevskoj. 1836–1837 gg. = Letters to M. G. Kartashevskaya. 1836–1837 // OR IRLI. Arhiv A. N. Markevicha. 10604. XVC. 1.
2. Aksakov K. S. Pis'ma k M. G. Kartashevskoj (Publ. E. I. Annenkovej) = Letters to M. G. Kartashevskaya (Published by E. I. Annenkova) // Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 1973 god. Leningrad : Nauka, 1976. S. 74–89.
3. Aksakov K. S. Put' = The way // Aksakov K. S. Sobr. soch. i pisem: V 10 t. T. 1. / podg. tekstov i komm. E. I. Annenkovej, M. D. Kuz'minoj. Sankt-Peterburg : Rostok, 2019. S. 34.
4. Annenkova E. I. Aksakovy = The Aksakovs. Sankt-Peterburg : Nauka, 1998. 366 s.
5. Annenkova E. I. Konstantin Aksakov. Vesel'e duha. = Konstantin Aksakov. The fun of the spirit. Sankt-Peterburg : Rostok, 2018. 328 s.
6. Annenkova E. I. Mirovosprijatie K. S. Aksakova. Stanovlenie i samovyrazhenie slavjanofila = K. S. Aksakov's worldview. Formation and self-expression of a Slavophile // Russkaja literatura. 2017. № 1. S. 47–64.
7. Annenkova E. I. Molodoj Konstantin Aksakov: problema samoopredelenija = Young Konstantin Aksakov: the problem of self-identity // Vestnik Cherepoveckogo gosudarstvennogo universiteta. 2016. № 2. S. 25–29.
8. Annenkova E. I. «Ja otrinul pritjazanija na hudozhestvennost'...». (Literaturnaja dejatel'nost' K. S. Aksakova) = «I have rejected the pretensions of artistry...». (K. S. Aksakov's literary work) // Aksakov K. S. Sobr. soch. i pisem: V 10 t. T. 1. / podg. tekstov i komm.

E. I. Annenkovej, M. D. Kuz'minoy. Sankt-Peterburg : Rostok, 2019. S. 518–548.

9. V'olle K., Grechanaja E. P. Dnevnik v Rossii v konce XVIII – pervoj polovine XIX v. kak avtobiograficheskaja praktika = The diary in Russia at the end of XVIII – the first half of XIX century. as an autobiographical practice // Avtobiograficheskaja praktika v Rossii i vo Francii. Sb. st. / pod red. K. V'olle i E. Grechanoj. Moskva : IMLI RAN, 2006. S. 57–111.

10. Gercen A. I. Pis'ma 1832–1838 godov = Letters 1832–1838 // Gercen A. I. Sobr. soch.: V 30 t. T. 21. Moskva : Izd-vo AN SSSR, 1961. 639 s.

11. Ginzburg L. Ja. Avtobiograficheskoe v tvorchestve Gercena = The autobiographic aspect in Herzen's work // Literaturnoe nasledstvo. Gercen i Ogarev v krugu rodnih i družej. Kn. 1. Moskva : Nauka, 1997. S. 7–54.

12. Ginzburg L. Ja. O lirike = On lyrical poetry. Moskva : Intrada, 1997. 414 s.

13. Egorov O. G. Dnevnik russkikh pisatelej XIX veka = The 19th century diaries of Russian writers. Moskva : Flinta; Nauka, 2002. 285 s.

14. Egorov O. G. Russkij literaturnyj dnevnik XIX veka. Istorija i teorija zhanra = Russian literary diary of the 19th century. History and theory of the genre. Moskva : Flinta; Nauka, 2003. 279 s.

15. Zherebin A. I. Germanskij genij russkoj literatury = The German genius of Russian literature // Filologicheskie pis'ma. Russko-evropejskij dialog. 2021. T. 4. № 1. S. 131–158.

16. Kuz'mina M. D. Romanticheskoe inobytie v povesti K. S. Aksakova «Val'ter Jejzenberg» = Romantic otherness in K. S. Aksakov's novel Walter Eisenberg // Russkaja literatura. 2017. № 1. S. 65–76.

17. Malahaeva S. K. Transformacija sub#ektivnosti v jenskom romantizme: pojesis kak osnova zhiznetvor-

chestva = Transformation of subjectivity in Jena Romanticism: poesis as the basis of life creation // Vestnik Burjatskogo gos. un-ta. Ser. Filosofija. 2012. Vyp. 6. S. 274–277.

18. Mahov A. E. Real'nost' romantizma. Oчерki duhovnogo byta Evropy na rubezhe XVIII–XIX vekov. = The reality of Romanticism. Essays on the spiritual life in Europe at the turn of the XVIII–XIX centuries. Tula : Akvarius, 2017. 305 s.

19. Novalis. Fragmenty = Fragments / per. s nem. A. L. Vol'skogo. Sankt-Peterburg : Vladimir Dal', 2014. 319 s.

20. Savkina I. L. Razgovory s zerkalom i Zazerkal'em: Avtodokumental'nye zhenskije teksty v russkoj literature pervoj poloviny XIX veka = Talking to a mirror and the world behind the looking glass: Women's auto-documentary texts in Russian literature of the first half of XIX century. Moskva : Novoe literaturnoe obozrenie, 2007. (Novoe literaturnoe obozrenie. Nauchnoe prilozhenie. Vyp. LXV). 416 s.

21. Sozina E. K. Soznanie i pis'mo v russkoj literature = Consciousness and writing in Russian literature. Ekaterinburg : Izd-vo Ural'skogo un-ta, 2001. 550 s.

22. Turchin V. S. Mir romantizma. Toska po idealam i vremja mechtanij. Prolegomeny = Longing for ideals and the time of dreaming. Prolegomena // Iskuststvoznanie. 2012. № 1-2. S. 92–111.

23. Shlegel' F. Iz «Ljucindy» = From «Lucinde» // Traktaty o ljubvi. Sb. tekstov / sost. O. P. Zubec. Moskva : IF RAN, 1994. S. 33–34.

24. Shlegel' F. Razgovor o poezii = Dialogue on Poetry // Literaturnye manifesty zapadnoevropejskikh romantikov / sobr. tekstov, vstup. st. i obshh. red. prof. A. S. Dmitrieva. Moskva : Izd-vo Mosk. un-ta, 1980. S. 62.

Статья поступила в редакцию 28.03.2026; одобрена после рецензирования 17.04.2026; принята к публикации 07.05.2026.

The article was submitted on 28.03.2026; approved after reviewing 17.04.2026; accepted for publication on 07.05.2026